

**«Я БЛИЗ НЕЕ!
О РАЙ, О НАСЛАЖДЕНЬЕ!..»**

* * *

Да, наша жизнь текла мятежно,
Полна тревог, полна утрат,
Расстаться было неизбежно —
И за тебя теперь я рад!
Но с той поры как все кругом меня пустынно!
Отдаться не могу с любовью ничему,
И жизнь скучна, и время длинно,
И холоден я к делу своему.
Не знал бы я, зачем встаю с постели,
Когда б не мысль: авось и прилетели
Сегодня наконец заветные листы,
В которых мне расскажешь ты:
Здорова ли? что думаешь? легко ли
Под дальним небом дышится тебе,
Грустишь ли ты, жалея прежней доли,

Охотно ль повинешься судьбе?
Желал бы я, чтоб сонное забвеньё
На долгий срок мне на душу сошло,
Когда б мое воображенье
Блуждать в прошедшем не могло...

Прошедшее! его волшебной власти
Покорствуя, переживаю вновь
И первое движенье страсти,
Так бурно взволновавшей кровь,
И долгую борьбу самим с собою,
И не убитую борьбою,
Но с каждым днем сильней кипевшую любовь.
Как долго ты была сурова,
Как ты хотела верить мне,
И как ты верила, и колебалась снова,
И как поверила вполне!
(Счастливей день! Его я отличаю
В семье обычных дней;
С него я жизнь мою считаю,
Я праздную его в душе моей!)
Я вспомнил все... одним воспоминаньем,
Одним прошедшим я живу —

И то, что в нем казалось нам страданьем, —
И то теперь я счастьем зову...
А ты?.. ты так же ли печали предана?..
И так же ли в одни воспоминанья
Средь добровольного изгнанья
Твоя душа погружена?
Иль новая роскошная природа,
И жизнь кипящая, и полная свобода
Тебя невольно увлекли,
И позабыла ты вдали
Все, чем мучительно и сладко так порою
Мы были счастливы с тобою?
Скажи! я должен знать... Как странно я люблю!
Я счастья тебе желаю и молю,
Но мысль, что и тебя гнетет тоска разлуки,
Души моей смягчает муки...

апрель — сентябрь 1850

* * *

Давно — отвергнутый тобою,
Я шел по этим берегам
И, полон думой роковой,

Мгновенно кинулся к волнам.
Они приветливо яснили.
На край обрыва я ступил —
Вдруг волны грозно потемнели,
И страх меня остановил!
Поздней — любви и счастья полны,
Ходили часто мы сюда,
И ты благословляла волны,
Меня отвергшие тогда.
Теперь — один, забыт тобою,
Чрез много роковых годов,
Брожу с убитою душою
Опять у этих берегов.
И та же мысль приходит снова —
И на обрыве я стою,
Но волны не грозят сурово,
А манят в глубину свою...

1855

* * *

Тяжелый крест достался ей на долю:
Страдай, молчи, притворствуй и
не плачь;

Кому и страсть, и молодость, и волю —
Все отдала, — тот стал ее палач!
Давно ни с кем она не знает встречи;
Угнетена, пуглива и грустна,
Безумные, язвительные речи
Безропотно выслушивать должна:
«Не говори, что молодость сгубила
Ты, ревностью истерзана моей;
Не говори!.. близка моя могила,
А ты цветка весеннего свежей!
Тот день, когда меня ты полюбила
И от меня услышала: люблю —
Не проклинай! близка моя могила:
Поправлю все, все смертью искуплю!
Не говори, что дни твои унылы,
Тюремщиком больного не зови:
Передо мной — холодный мрак могилы,
Перед тобой — объятия любви!
Я знаю: ты другого полюбила,
Щадить и ждать наскучило тебе...
О, погоди! близка моя могила —
Начатое и кончить дай судьбе!..»
Ужасные, убийственные звуки!..

Как статуя прекрасна и бледна,
Она молчит, свои ломая руки...
И что сказать могла б ему она?..
1855

ПРОСТИ

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь, —
Благослови и не забудь!
1856

* * *

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир — и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...

1851

ПРОЩАНИЕ

Мы разошлись на полпути,
Мы разлучились до разлуки
И думали: не будет муки
В последнем роковом «прости».
Но даже плакать нету силы.
Пиши — прошу я одного...
Мне эти письма будут милы
И святы, как цветы с могилы —
С могилы сердца моего!

1856

* * *

Так это шутка? Милая моя,
Как боязлив, как недогадлив я!
Я плакал над твоим рассчитано суровым,

Коротким и сухим письмом;
Ни лаской дружеской, ни откровенным
СЛОВОМ

Ты сердца не порадовала в нем.
Я спрашивал: не демон ли раздора
Твоей рукой насмешливо водил?
Я говорил: «Когда б нас разлучила ссора —
Но так тяжел, так горек, так уныл,
Так нежен был последний час разлуки...
Еще твой друг забыть его не мог,
И вновь ему ты посылаешь муки
Сомнения, догадок и тревог, —
Скажи, зачем?.. Не ложью ли пустою,
Рассеянной досужей клеветою,
Возмущена душа твоя была?
И, мучима томительным недугом,
Ты над своим отсутствующим другом
Без оправданья суд произнесла?

Или то был один каприз случайный,
Иль давний гнев?..» Неразрешимой тайной
Я мучился: я плакал и страдал,
В догадках ум испуганный блуждал,
Я жалок был в отчаянье суровом...
Всему конец! Своим единым словом
Душе моей ты возвратила вновь
И прежний мир, и прежнюю любовь;
И сердце шлет тебе благословенья,
Как вестнице неожиданного спасенья...

Так няня в лес ребенка заведет
И спрячется сама за куст высокой;
Встревоженный, он ищет и зовет,
И мечется в тоске жестокой,
И падает, бессильный, на траву...
А няня вдруг: ау! ау!
В нем радостью внезапной сердце бьется,
Он все забыл: он плачет и смеется,
И прыгает, и весело бежит,
И падает — и няню не бранит,
Но к сердцу жмет виновницу испуга,
Как от беды избавившего друга...

апрель — сентябрь 1850

* * *

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понурив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцелуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко сношу
И вперед — в это темное море —
Без обычного страха гляжу...

1847

* * *

Когда горит в твоей крови
Огонь действительной любви,
Когда ты сознаешь глубоко
Свои законные права, —
Верь: не убьет тебя молва
Своею клеветой жестокой!

Постыдных, ненавистных уз
Отринь насильственное бремя
И заключи — пока есть время —
Свободный, по́ сердцу союз.

Но если страсть твоя слаба
И убежденье не глубоко,
Будь мужу вечная раба,
Не то — расквасишься жестоко!..

1848

* * *

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она не далека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

1850

* * *

Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
Я душу падшую извлек,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавший порок;

Когда, забывчивую совесть
Воспоминанием казня,
Ты мне передавала повесть
Всего, что было до меня;

И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена, —

Верь: я внимал не без участия,
Я жадно каждый звук ловил...
Я понял все, дитя несчастья!
Я все простил и все забыл.

Зачем же тайному сомнению
Ты ежечасно предана?
Толпы бессмысленному мненью
Ужель и ты покорена?

Не верь толпе — пустой и лживой,
Забудь сомнения свои,
В душе болезненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змеи в груди
И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

1845

* * *

Тяжелый год — сломил меня недуг,
Бедя настигла, счастье изменило,
И не щадит меня ни враг, ни друг,
И даже ты не пощадила!
Истерзана, озлоблена борьбой,
С своими кровными врагами!

Страдалица! стоишь ты предо мной
Прекрасным призраком с безумными
глазами!

Упали волосы до плеч,
Уста горят, румянцем рдеют щеки,
И необузданная речь
Сливается в ужасные упреки,
Жестокие, неправые. Постой!
Не я обрек твои молодые годы
На жизнь без счастья и свободы,
Я друг, я не губитель твой!
Но ты не слушаешь

.

1856

* * *

Поражена потерей невозвратной,
Душа моя уныла и слаба:
Ни гордости, ни веры благодатной —
Постыдное бессилие раба!

Ей все равно — холодный сумрак гроба,
Позор ли, слава, ненависть, любовь, —

Погасла и спасительная злоба,
Что долго так разогревала кровь.

Я жду... но ночь не близится к рассвету,
И мертвый мрак кругом... и та,
Которая воззвать могла бы к свету, —
Как будто смерть сковала ей уста!

Лицо без мысли, полное смятенья,
Сухие, напряженные глаза —
И, кажется, зарею обновленья
В них никогда не заблестит слеза.

1848

* * *

О письма женщины, нам милой!
От вас восторгам нет числа,
Но в будущем душе унылой
Готовите вы больше зла.
Когда погаснет пламя страсти
Или послушаетесь вы
Благоразумья строгой власти

И чувству скажите: увы! —
Отдайте ей ее посланья
Иль не читайте их потом,
А то нет хуже наказанья,
Как задним горевать числом.
Начнешь с усмешкою ленивой,
Как бред невинный и пустой,
А кончишь злобою ревнивой
Или мучительной тоской...

О ты, чьих писем много, много
В моем портфеле берегу!
Подчас на них гляжу я строго,
Но бросить в печку не могу.
Пускай мне время доказало,
Что правды в них и проку мало,
Как в праздном лепете детей,
Но и теперь они мне милы —
Поблекшие цветы с могилы
Погибшей юности моей!

1852

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

(Из записок борзописца)

О, не верьте этому Невскому проспекту!..
Боже вас сохрани заглядывать дамам под шляпки. Как ни развевайся вдали плащ красавицы, я ни за что не пойду за нею любопытствовать. Далее, ради бога далее от фонаря! и скорее, сколько можно скорее, проходите мимо. Это счастье еще, если отделаетесь тем, что он зальет щегольской сюртук ваш вонючим своим маслом. Но и кроме фонаря все дышит обманом. Он лжет во всякое время, этот Невский проспект, но более всего тогда, когда ночь сгущенной массою наляжет на него и отделит белые и палевые стены домов, когда весь город превратится в гром и блеск, мириады карет валяются с мостов, форейторы кричат и прыгают на лошадях и когда сам демон зажигает лампы для того только, чтобы показать все не в настоящем виде.

Н.В. Гоголь

Я на Невском проспекте гулял
И такую красавицу встретил,
Что, как время прошло, не видал,
И как нос мой отмерз, не заметил.

Лишь один Бенедиктов бы мог
Описать надлежащим размером
Эту легкость воздушную ног,
Как, назло господам кавалерам,
Избегала их взоров она,
Наклоня лукаво головку
И скользя, как по небу луна...
Но нагнал я, счастливец! плутовку,
Деликатно вперед забежал
(А кругом ее публики пропасть)
И «Куда вы идете?» — сказал,
Победив(ши) врожденную робость.
Ничего не сказала в ответ,
Лишь надула презрительно губки,
Но уж мне не четырнадцать лет:
Понимаем мы эти поступки.
Я опять: «Отчего ж вы со мной
Не хотите сказать ни словечка?
Я влюблен и иду как шальной,
И горит мое сердце, как свечка!»
Посмотрела надменно и зло
И сердито сказала: «Отстаньте!»
Слышу хохот за мной (дело шло

При каком-то разряженном франте).
Я озлился... и как устоять?
На своем захотелось поставить...
«Неужель безнадежно страдать
Век меня вы хотите заставить?» —
Я сказал... и была не была!
Руку взял... Размахнулась грозно
И такую злодейка дала
Оплеуху, что... вспомнить курьезно!
Как, и сам разрешить не могу,
Очутился я вмиг в Караванной.
Все судил и рядил на бегу
Об истории этой престранной,
Дал досаде и страсти простор,
Разгонял ерофейичем скуку
И все щеку горячую тер
И потом целовал свою руку —
Милый след все ловил на руке
И весь вечер был тем озабочен...
Ах!.. давно уж на бледной щеке
Не бывало приятней пощечин!

1845

ЗАСТЕНЧИВОСТЬ

Ах ты, страсть роковая, бесплодная,
Отвяжись, не тумань головы!
Осмеет нас красавица модная,
Вкруг нее увиваются львы:

Поступь гордая, голос уверенный,
Что ни скажут — их речь хороша,
А вот я-то войду как потерянный —
И ударится в пятки душа!

На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова.

Улыбнусь — непроторная, жесткая,
Не в улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу — шутка плоская:
Покраснею мучительно я!

Помещусь, молчаливо досадуя,
В дальний угол... уныло смотрю

И сижу неподвижен, как статуя,
И судьбу потихоньку корю:

«Для чего-де меня, горемычного,
Дураком ты на свет создала?
Ни умишка, ни виду приличного,
Ни довольства собой не дала?..»

Ах! судьба ль меня, полно, обидела?
Отчего ж, как домой ворочусь
(Удивилась бы, если б увидела),
И умен и пригож становлюсь?

Все припомню, что было ей сказано,
Вижу: сам бы сказал не глупей...
Нет! мне в божьих дарах не отказано,
И лицом я не хуже людей!

Малодушье пустое и детское,
Не хочу тебя знать с этих пор!
Я пойду в ее общество светское,
Я там буду умен и остер!

Пусть поймет, что свободно и молодо
В этом сердце волнуется кровь,
Что под маской наружного холода
Бесконечная скрыта любовь...

Полно роль-то играть сумасшедшего,
В сердце искру надежды беречь!
Не стряхнуть рокового прошедшего
Мне с моих невыносимых плеч!

Придавила меня бедность грозная,
Запугал меня с детства отец,
Бесталанная долюшка слезная
Извела, доконала вконец!

Знаю я: сожаленье постыдное,
Что как червь копошится в груди,
Да сознание бессилья обидное
Мне осталось одно впереди...

1852

БУРЯ

Долго не сдавалась Любушка-соседка,
Наконец шепнула: «Есть в саду беседка,

Как темнее станет — понимаешь ты?..»
Ждал я, исстрадался, ночки-темноты!

Кровь-то молодая: закипит — не шутка!
Да взглянул на небо — и поверить жутко!

Небо обложилось тучами кругом...
Полил дождь ручьями — прокатился гром!

Брови я нахмурил и пошел угрюмый —
«Свидеться сегодня лучше и не думай!

Люба белоручка, Любушка пуглива,
В бурю за ворота выбежать ей в диво.

Правда, не была бы буря ей страшна,
Если б... да настолько любит ли она?..»

Без надежды, скучен прихожу в беседку,
Прихожу и вижу — Любушку-соседку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку...
Было мне заботы обсушить голубку!

Да зато с той ночи я бровей не хмурю,
Только усмехаюсь, как заслышу бурю...

1850, 1853

СЕРДЦУ

Она так нежно, так заботно
В тот час взглянула мне в лицо,
Она, казалось, неохотно
Взяла венчальное кольцо, —
Ужель не сон? ужели точно
Она невинна и верна
И не мечтой была порочной,
А тайной грустью стеснена?
Ах! искра той надежды сладкой
Могла бы грудь одушевить,
Веселый стих внушить украдкой,
Мечту и Музу пробудить.
Я вновь главой поник бы ныне
Перед царицей красоты,

Неся к ногам моей богини
Любовь, покорность и мечты.
Но нет, самолюбивой думой
Напрасно сердце не живи!
Мне суждено молчать угрюмо
Под гнетом рока и любви.
Уймись же, сердце! не надейся,
Вздых затаи в грудной глуби,
Волненьем суетным рассейся
И, если сможешь, разлюби
И для красот ее ослепни;
Иль страсть смирением окуй
И словно камень в нем окрепни,
Или по-прежнему целуй
Шаг каждый ног ее прелестных —
Все, все, лишь только не дерзни
Толпой укоров бесполезных
Напомнить ей былые дни!
Оставь ее! она ребенок,
Она и любит — только час.
Пускай же будет дик и звонок
Твоей тоски унылый глас.
Страдай! — страданьям нет неволи.

Мне суждено, постигнул я,
Одни трагические роли
Играть на сцене бытия.

1839

ПРИЗНАНИЕ

Я пленен, я очарован,
Ненаглядная, тобой,
Я навек к тебе прикован
Цепью страсти роковой.
Я твой раб, моя царица!
Все несу к твоим ногам,
Без тебя мне мир темница.
О, внемли моим словам:
Несурово, хоть ошибкой
На страдальца посмотри
И приветливой улыбкой
Хоть однажды подари!
Я люблю; ужель погубишь
Ты меня, не любя?
Полюби! — когда полюбишь,
Буду жить лишь для тебя!

Лишь твои живые очи,
Ручку, ножку, локон, стан
Вспоминать и дни и ночи
Буду, страстный, как вулкан;
И покуда будет биться
Жизнь в пылающей крови,
Лишь к тебе, моя царица,
Буду полн огнем любви.
О, скажи, краса младая,
Мне хоть слово; но молю:
Полюби, не отвергая
Так, как я тебя люблю!

1839

СМУГЛЯНКЕ

Черны, черны тени ночи,
Но черней твоя коса
И твои живые очи,
Ненаглядная краса.
Если вестниками бури,
Кроя свет дневных лучей,
Ходят тучи по лазури, —

Это тень твоих очей!
Если вспыхнут метеоры
Над поверхностью земли —
Их твои, о дева, взоры
Огнемётные зажгли!
Если молнья ярким блеском
На мгновенье вспыхнет там
И промчится с гордым треском
Гром по мрачным высотам,
Эта молнья — жар дыханья
Томных уст твоих, краса;
Гул отзвучный их лобзанья —
Разъяренная гроза.
Вся ты — искры бурной Этны
Да чудесный чёрный цвет;
Нет ни бледности бесцветной,
Ни румянца в тебе нет.
Лишь меняет буря гнева
Да любовь твои черты.
Черноогненная дева,
Счастлив, кем пленилась ты!
Как люблю я, как пылаю!
Но как часто за тобой

Взор ревнивый устремляю.
Ах, ужель?.. нет, боже мой!
Страшно мыслить!.. прочь сомненье!
Ты верна. Но, о судьба!
Если вдруг души влечение...
Страсть... безумие... борьба?
Ах! молю — когда измену
Ты замыслишь, приходи,
Вольной страсти перемену
Расскажи мне на груди;
Обниму тебя, тоскуя,
Загорюсь от поцелуя
И, страдания тая,
Перед смертью скажу я:
«За Ленору умер я!»

1839

К НЕЙ!!!!

Гляжу с тоской на розы я и тернии
И думой мчусь на край миров:
Моя душа в Саратовской губернии,
У светлых волжских берегов.

Когда не ты, божественный Грибовников!
Супруг мой будешь роковой!»
Запрыгал я тогда от умиления,
И в пятки вдруг душа моя ушла,
И перед ней повергся на колени я,
И речь из уст, как млеко, потекла!..
«Ты ль это, — ты ль?.. Ивана ли Иваныча
Зрю пред собой!.. Какой ты путь свершил?» —
Так изрекла. «От Дона и от Маныча,
С концов миров к тебе б я поспешил,
Не утрашась ни верстами, ни милями!
Я для тебя всем жертвовать готов!
Но я не шел пешком, меж простофилями,
Я прилетел», — сказал я в кратце слов..
Тут обнялись мы сладостно и пламенно;
Ее чело стократ я лобызал!
О, в этот час растаял бы и каменный:
Стихами ей экспромтец я сказал!
Она меня попотчевала дулями,
Я стал жевать... Но ах!.. Я пробужден!..
Где я?.. один!.. лишь мечт моих ходулями
Был к ней я занесен!..

1840

СЛЕЗА РАЗЛУКИ

Тих и мрачен в час печали,
Я в лицо тебе гляжу
И на памяти скрижали
Образ твой перевожу.
Изучаю голос речи,
Мысль очей хочу понять,
Чтоб, грустя, до новой встречи
Их в душе не затерять.
Посмотри, мой друг, серьезно,
Взор улыбкой засвети,
Повернися грациозно,
Статной лебедью пройди;
Распусти волосы по шейке,
Резвой ножки не скрывай,
Белой груди, чародейке,
Волноваться волю дай!
Спой мне нежно про разлуку,
Легкой нимфой протанцуй,
Дай мне беленькую руку,
Сладко, жарко поцелуй!..
Урони теперь в волненьи

Две жемчужные слезы —
Будет полно впечатленья
На меня твоей красы...
Может быть, не сохраню я
В бедной памяти моей
Ни очей, ни поцелуя,
Ни движений, ни речей;
Но слеза — любви свидетель!
Ту невольною слезу,
Как младенец — добродетель,
Я в могилу унесу!

1840

* * *

Пускай мечтатели осмеяны давно,
Пускай в них многое действительно смешно,
Но все же я скажу, что мне в часы разлуки
Отраднее всего, среди душевной муки,
Воспоминать о ней: усилием мечты
Из мрака вызывать знакомые черты,
В минуты горького раздумья и печали
Бродить по тем местам, где вместе мы гуляли, —

И даже иногда вечернею порой,
Любуясь бледною и грустною луной,
Припомянуть тот сад, ту темную аллею,
Откуда мы луной пленялись вместе с нею,
Но, больше нашею любовью полны,
Чем тихим вечером и прелестью луны,
Влюбленные глаза друг к другу обращали
И в долгий поцелуй уста свои сливали...

1845

СТАРУШКЕ

Когда еще твой локон длинный
Вился над розовой щекой
И я был юноша невинный,
Чистосердечный и простой, —
Ты помнишь: кой о чем мечтали
С тобою мы по вечерам,
И — не забыла ты — давали
Свободу полную глазам,
И много высказалось взором
Желаний тайных, тайных дум;
Но победил каким-то вздором

В нас сердце хладнокровный ум.
И разошлись мы любовно,
И страсть рассеялась как дым.
И чрез полжизни хладнокровно
Опять сошлись мы — и молчим...
А мог бы быть и не таким
Час этой поздней, грустной встречи,
Не так бы сжала нас печаль,
Иной тоской звучали б речи,
Иначе было б жизни жаль...

1845

* * *

Где твое личико смуглое
Нынче смеется, кому?
Эх, одиночество круглое!
Не посулю никому!

А ведь, бывало, охотно
Шла ты ко мне вечерком;
Как мы с тобой беззаботно
Веселы были вдвоем!

Как выражала ты живо
Милые чувства свои!
Помнишь, тебе особливо
Нравились зубы мои;

Как любовалась ты ими,
Как целовала любя!
Но и зубами моими
Не удержал я тебя...

1855

* * *

Как ты кротка, как ты послушна,
Ты рада быть его рабой,
Но он внимает равнодушно,
Уныл и холоден душой.

А прежде... помнишь? Молода,
Горда, надменна и прекрасна,
Ты им играла самовластно,
Но он любил, любил тогда!

Так солнце осени — без туч
Стоит, не грея, на лазури,
А летом и сквозь сумрак бури
Бросает животворный луч...

1856

МОЯ СУДЬБА

Мне плакать хочется, а плакать в мире
стыдно,
Увидят люди — осмеют
И с едкой клеветой, с улыбкою обидной
Притворством слезы назовут.
О, горько жить, о, трудно пережить измену
Того, чем сладко было жить!..
Из чаши радостей я пил одну лишь пену,
Она мешала нектар пить...
Так прочь, прочь, чаша всех надежд
и упований!
Не принесла мне счастья ты;
Меня сгубила ты; ты в чары ожиданий
Втравила тщетные мечты...
Я небу покорюсь... возьму другую чашу,
С ней съединю судьбу свою;

Не суетных надежд ее венком украшу —
Могильным плющем обовью.
И если слезы даст, по милости великой,
Бог в утешение мое,
Презря и суд глупца, и хохот черни дикой,
Наполню ими я ее.
И в день, когда совсем преполненная чаша
Ни капли боле не вместит,
Скажу «прощай» мятежной жизни нашей,
И дух мой в небо воспарит.
Там стану с ней, чужд черной ризы праха,
Все раны сердца обнажу
И у царя Судеб, как должного, без страха,
За них награды попрошу.

1839

В АЛЬБОМ

Не пошлость старого обычая поэтов
Стихами воспевать красавицу свою
Причиною тому, что никаких куплетов,
Красавица моя, тебе я не пою,
Но чувство сладкого и гордого сознанья,

Что выше ты похвал, как выше описанья
Мадонна — полная нетленной красоты,
Чистейшей прелести и чудной простоты,
Перед которою чем глубже впечатленье,
Тем молчаливей восхищенье...

конец 1830-х или начало 1840-х годов

ВСТРЕЧА ДУШ

1

Все туманится и тмится,
Мрак густеет впереди.
Струйкой света что-то мчится
По воздушному пути,
В полуогненную ризу
Из лучей облечено.
Только час оттуда снизу,
А уж с небом сближено;
Без порывов, без усилья,
Словно волны ветерка,
Златом облитые крылья
Вольно режут облака.
Нет ни горести, ни страха

На блистательном челе.
То душа со смертью праха
Отчужденная земле.
То, от бедствий жизни бурной,
Беспорочная душа
Юной девы в край лазурный
Мчится, волею дыша.
Век страдальцей высокой
На земле она была,
Лишь любовьию глубокой
Да молитвою жила.
Но любви блаженством ясным
Мир ее не подарил.
Там с избранником прекрасным
Жребий деву разлучил.
Року преданная слепо,
Страсть она перемогла
И нетронутый на небо
Огонь невинности несла.
И блистателен и пышен
Был венец ее двойной,
Лет торжественный, чуть слышен,
Сыпал искры за собой,

На недвижимый и безмолвный
Неба божьего предел
Взор, уверенности полный,
Как на родину смотрел.
Только темное сомненье,
Мнилось, было на челе:
Суждено ль соединенье,
Там ли он иль на земле?

2

Слышно тихое жужжанье
От размаха легких крыл,
Пламень нового сиянья
Тучи грудь пробороздил.
Видит светлая другую,
Восходящую с земли,
Душу, в ризу золотую
Облеченную, вдали.
Ближе, ближе... вот сравнялись,
Вот сошлись на взмах крыла,
Быстро взором поменялись,
И приветно начала
Говорить одна: «Из мира

Многогрешного парю
В область светлого эфира,
В слуги горнему царю.
Грея грудь питомца горя,
Я там счастья не нашла;
Там, с людьми и роком споря,
Бед игрушкой я была.
Только раз лишь — помню живо
День и час — блаженства луч
Так роскошно, так игриво
Проблеснул мне из-за туч.
Деву с черными очами
В мире дольнем я нашла
И, пленясь ее красами,
Все ей в жертву принесла.
Но под солнцем несчастлива
Бескорыстная любовь!
Вверг разлукой прихотливый
Рок меня в страданье вновь.
На свиданье с ней надеждой
С той поры живу одной,
И теперь, когда одеждой
Я не связана земной,

Радость всю меня обильно
Наполняет и живит:
Верю, мне творец всеильный
Амариллу возвратит...»
— «Амариллу? голос друга
Я узнала... я твоя!
Сладким именем супруга
Назову любимца я...
Нет здесь бедственной разлуки,
Вечен брак наш... Нет преград!
Наградил нас бог за муки.
Как он щедр, велик и свят!»

3

И в блаженстве беззаветном
Души родственно слились
И в сияньи огнецветном
Выше, выше понеслись.
Понеслись под божье знамя
Так торжественно, легко.
От одежд их свет и пламя
Расстилались далеко;
Счастья чистого лучами

Пышно рдело их лицо;
А венцы их над главами
Вдруг сплелись в одно кольцо —
Словно в знаменье обета
Всемогущего творца,
Что для них свиданье это
Не найдет себе конца.

1839

К Н. Н.

Мой бедненький цветок в красе благоуханной,
На радостной заре твоих весенних дней
Тебя, красавица, пришелец нежеланный
Сорвал по прихоти своей.

Расчетам суеты покорно уступая,
Ты грустно отреклась мечтаний молодых —
И вот тебя скует развалина живая
В своих объятьях ледяных.

Но ведь придет пора сердечного томленья,
Желанья закипят в взволнованной крови,

* * *

Я посетил твое кладбище,
Подруга трудных, трудных дней!
И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.
Бывало, натерпевшись муки,
Устав и телом и душой,
Под игом молчаливой скуки
Встречался грустно я с тобой.
Ни смех, ни говор твой веселый
Не прогоняли темных дум:
Они бесили мой тяжелый,
Больной и раздраженный ум.
Я думал: нет в душе беспечной
Сочувствия душе моей,
И горе в глубине сердечной
Держалось дольше и сильнее...
Увы, то время не возвратно!
В ошибках юность не вольна:
Без слез ей горе непонятно,
Без смеху радость не видна...
Ты умерла... Смирились грозы.

Другую женщину я знал,
Я поминутно видел слезы
И часто смех твой вспоминал.
Теперь мне дороги и милы
Те грустно прожитые дни, —
Как много нежности и силы
Душевной вызвали они!
Твержу с упреком и тоскою:
«Зачем я не ценил тогда?»
Забудусь, ты передо мною
Стоишь — жива и молода:
Глаза блистают, локон вьется,
Ты говоришь: «Будь веселей!»
И звонкий смех твой отдается
Больнее слез в душе моей...

1856

ПЕСНЯ ЗАМЫ

Силен и строен мой милый, нет равного
В мире красавца ему,
В поле средь брани, средь игрища славного
Мало двоих одному.

Метко бросает он стрелы летучие,
Храбро владеет мечом,
Гордо глядят его взоры кипучие,
Ловко он правит конем.
Бровь соболиная, волосы черные,
Небо и пламень — глаза,
Речь сладкозвучная — волны подгорные,
Весь обольщенье, краса!
Светел, как отблески ярко-пурпурные
Солнца в прозрачной глуби.
Сладко смотреть ему в очи лазурные,
Дивные шепчут: люби!
Сладко внимать его слову певучему,
Тихо дыханье тая;
Счастье быть братом иль другом могучему,
Счастливей доля моя!
Тигр безбоязненный — в гения кротости
Он пред моей красотой
Вмиг превращается; и не без гордости
Я на груди молодой
Грею гранитную грудь победителя,
Если домой хоть на миг
Он прилетит — и, от ран исцелителей,

Ищет лобзаний моих.
Что же сравняется с долей прекрасною,
С долей завидной моей?
Лучше ль быть на небе звездочкой ясною,
Птичкой летать среди полей?
Нет, мне ненадобны крылья раздольные,
Блеска ненадобно мне!
Если мы вместе — и так мы не дольные,
Если обнимемся — так мы в огне.
Нам не ужасна судьбина коварная,
Рай наш всегдашний в любви.
О ты, как в сердце моем, жизнедарная,
Век в его сердце живи!

1839

ВЛЮБЛЕННОМУ

Как вести о дороге трудной,
Когда-то пройденной самим,
Внимаю речи безрассудной,
Надеждам розовым твоим.
Любви безумными мечтами
И я по-твоему кипел,

Но я делить их не хотел
С моими праздными друзьями.
За счастье сердца моего
Томим боязнию ревнивой,
Не допускал я никого
В тайник души моей стыдливой.
Зато теперь, когда угас
В груди тот пламень благодатный,
О прошлом счастья рассказ
Твержу с отрадой непонятной.
Так проникаем мы легко
И в недоступное жилище,
Когда хозяин далеко
Или почиет на кладбище.

1856

ИЗ ПОВЕСТИ «В САРДИНИИ»

Если жизнь ослепит блеском счастья глаза,
Даст на счастье обет,
Да изменит... солжет... и наступит гроза, —
Есть терпенье для бед,
Есть для горя — слеза!
Если тот, с кем делить ты все тайны привык,

Чью ты руку сжимал,
Вдруг обидит тебя иль предаст хоть на миг, —
Есть для мести — кинжал,
Для проклятья — язык.

И на все и за все оживляющий вновь
В чем-нибудь есть ответ...
Лишь ничем не зальешь страстью полную
кровь...

Гамм ответных нет
Без любви на любовь!

Под балконом тебя столько черных ночей
Я стерег от измен.
Сколько взоров кидал я тебе из очей,
Сколько сплел кантилен! —
Нет ответных речей!

Подожду ... и уйду, как земле возвратят
Светлый день небеса...
Но уж завтра сюда не вернусь я назад...
Есть для горя — слеза,
Для отчаянья — яд!

1842

ГОРЯЩИЕ ПИСЬМА

Они горят!.. Их не напишешь вновь,
Хоть написать, смеясь, ты обещала...
Уж не горит ли с ними и любовь,
Которая их сердцу диктовала?

Их ложью жизнь еще не назвала,
Ни правды их еще не доказала...
Но та рука со злобой их сожгла,
Которая с любовью их писала!
Свободно ты решала выбор свой,
И не как раб упал я на колени;
Но ты идешь по лестнице крутой
И дерзко жжешь пройденные ступени!..

Безумный шаг!.. быть может, роковой...

.....

1877

**«ЦВЕТИ, ЦВЕТИ, ДИТЯ МОЕ!
ТЫ СОЗДАНА НЕДАРОМ!..»**

КНЯГИНЯ

Дом — дворец роскошный, длинный,
двухэтажный.
С садом и с решеткой; муж — сановник
важный.
Красота, богатство, знатность и свобода —
Все ей даровали случай и природа.
Только показалась — и над светским
миром
Солнцем засияла, вознеслась кумиром!
Воин, царедворец, дипломат, посланник —
Красоты волшебной раболепный данник;
Свет ей рукоплещет, свет ей подражает.
Властвует княгиня, цепи налагает,
Но цепей не носит; прихоти послушна,
Ни за что полюбит, бросит равнодушно: